

УДК 94(47)(470.56)

Чекед Р.С., кандидат исторических наук, Курский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия)

Кудланов К.Б., кандидат исторических наук, Курское отделение Российского общества историков архивистов (Россия)

РАССЕЛЕНИЕ ОДНОДВОРЦЕВ В УЕЗДЫ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ЮЖНЕЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ

На основе различных архивных и нарративных источников авторы аналитически сопоставляют особенности освоения уездов, расположенных южнее Белгородской черты. Исследователи выбрали Павловский и Бобровский уезды Воронежской губернии, на территории которых, в XVIII в. они систематизировали все разновидности переселений. В ходе сравнительного анализа авторы обнаружили различия в освоении изучаемой местности. Например, влияние земляческого принципа в переселениях на территории Павловского уезда. В целом же между означенными округами прослеживалось больше общих черт. Авторы установили, что идентичная речная система и география расположения изучаемых уездов обуславливала одинаковое влияние процессов препятствующих этой территории в становлении традиционными местами обитания однодворцев. Между исчезновением опасности от кочевников и активной помещичьей колонизацией у потомков служилых людей имелось временное окно всего в пол века для освоения уездов, расположенных южнее Белгородской черты. Ещё данному процессу препятствовали прекращение покровительства со стороны правительства в освоении ЦЧ и сильная эксплуатация однодворцев на Украинской линии, вызывавшая их массовое бегство. Всё это происходило на фоне душевого владения землёй однодворцев на изучаемой местности, которое значительно сужало их ареал расселения, при этом улучшая его качество. К тому же было выявлено, что период добровольной активной фазы расселений связан с периодом созревания переселенческих очагов в освоенных ранее местностях. В изучаемом же авторами временном промежутке ещё повсеместно не прослеживалась зрелость этих очагов. Дальнейшая активная фаза помещичьей колонизации с сер. XVIII в. окончательно предопределила социальный облик изучаемой территории не в пользу потомков служилых людей. В итоге авторы заключают, что традиционные места обитания однодворцев формировались благодаря длительному периоду благоприятных условий для освоения пространства служилыми людьми и их потомками.

Ключевые слова: военнослужащие, однодворцы, мелкие землевладельцы, поселенцы, уезд, Центрально-Черноземный регион.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-154-164

На наш взгляд, более всего с Белгородской чертой в ЦЧ связаны 4 губернии (Курская, Воронежская, Тамбовская и Орловская). Согласно указанным географическим рамкам, типы переселений в данном крае делятся на три вида: расселения, выселения и заселения. Расселение – это распространение однодворцев по упомянутым нами 4 губерниям ЦЧ. Заселение и выселение выходят из ареала этой местности, распределяясь по критериям прибыли и убыли однодворцев путём переселений. В свою очередь, каждый тип упомянутых переселений тоже подразделяется на составляющие по географическому признаку. Например, расселение бывает между изучаемыми нами регионами ЦЧ, уездами одной из указанных губерний и селениями одного уезда. Подобным образом подразделяются заселения и выселения.

Очень показательны все типы расселений будут наблюдаться в уездах, расположенных южнее Белгородской черты. Это вызвано тем, что означенный процесс мас-

сово происходил с нач. XVIII в., когда северные территории уже были более или менее освоены, откуда и протекал сам процесс расселения. В выбранных нами губерниях ЦЧ имеются только 6 уездов, которые сплошь расположены южнее Белгородской черты. Два из них находятся в Тамбовской губ., а остальные – в Воронежской. По свидетельству специалиста по сельскому хозяйству Н.Л. Рубинштейна, подобные территории в ЦЧ позже всех остальных подверглись экономическому освоению, завершающемуся, особенно в её южных частях, лишь на протяжении XIX века [35, с. 227–228]. В связи с этим цель данного исследования состоит в аналитическом сравнении особенностей расселения в двух уездах Воронежской губ. размещающихся южнее Белгородской черты: Бобровском и Павловском. Исследуемая территория представлена на следующей карте.

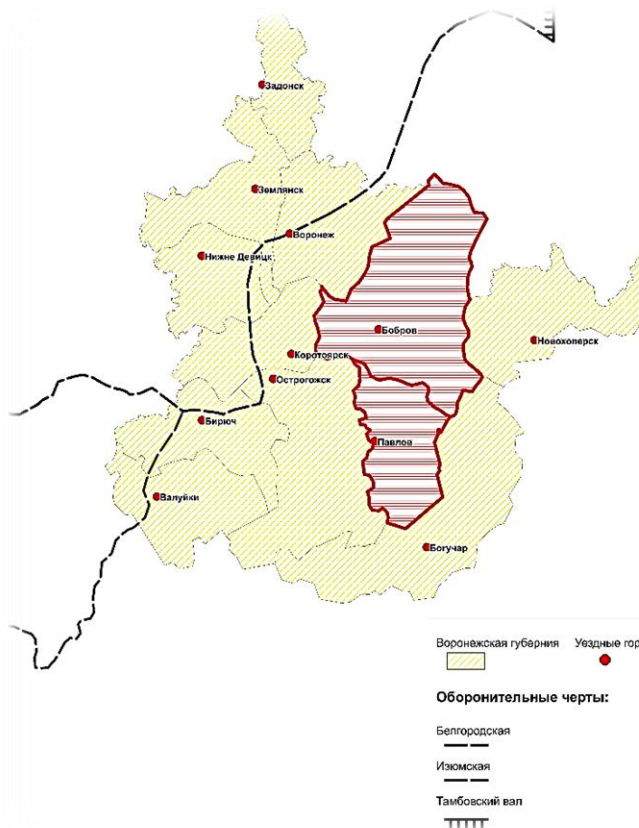

Рис. 1. Расположение Белгородской черты по отношению к Бобровскому и Павловскому у. Воронежской губ. в территориально-административных границах XIX века¹.

Обратим внимание ещё на то, что в данном исследовании мы применили методологию сопоставления территориально-административного деления кон. XVII с XIX веком.

Теперь обратимся к историографии изучаемого вопроса. Из дореволюционных исследователей наиболее подробно уделил внимание заселению Битюцкого, Икорецкого и Осередского уездов служилыми людьми Д.И. Багалей [1, с. 104–140]. В знаменитом труде М.А. Германова зафиксировано всего 7 случаев переселения однодворцев в изучаемую нами местность [7, с. 183–327]. В своём добротном исследовании, не больше материала нам предоставил Д.К. Зеленин [9]. Косвенно изучаемого нами вопроса касались Ф.А. Щербина и Н.А. Попова [39, с. 465–481; 34, с. 281–330].

В советский период некоторые частные случаи подвижности однодворцев в означенную местность были упомянуты в исследованиях П.М. Проторчиной и Л.Н.

Чижиковой [33, с. 35–49; 38]. По инициативе В.П. Загоровского теме заселения Воронежского края был посвящён целый сборник статей, в котором отметим пространное исследование упомянутого автора [28; 8, с. 3–23]. Отдельно нужно выделить В.И. Панову, подготовившую хорошую диссертацию и ряд статей, где упоминается изучаемая нами тематика [32; 31, с. 68–76].

В постсоветский период были написаны диссертационные исследования Д.В. Василенко и О.В. Василенко [4; 5]. И если последняя освещает другие географические рамки, то первый из них написал работу имеющую для нас наибольшую научную ценность, среди всех озвученных выше трудов. Географии заселения пространства справа от Дона и Белгородской черты служилыми людьми и их потомками, особенностям и периодизации этого процесса Д.В. Василенко уделил целый параграф. Отметим, ещё статьи О.Ю. Титовой и других авторов, частично упоминающих о заселении Бобровского и Павловского уездов [37, с. 6–14; 36]. Общая переселенческая траектория однодворцев вместе с особенностями их подвижности исследованы ещё лучше. Особенно нужно выделить труды М.А. Германова, Д.И. Багалей, И.Н. Миклашевского, Н.А. Благовещенского, Д.К. Зеленина, Л.Н. Чижиковой, В.М. Важинского и В.П. Загоровского и некоторых других исследователей [7; с. 183–327; 1; 30; 3; 9; 38; 6; 8, с. 3–23].

Уникальность данной статьи состоит в своеобразном аналитическом сопоставлении опубликованных материалов, нетрадиционных для аналогичных исследований. Вместе с тем авторы привлекли значительный массив неопубликованных ранее источников, в основном раскрывающих вопрос подселений однодворцев в изучаемую местность, особенно между 1762–1795 годами. Означенный процесс исследователи оригинально вписали в канву общего исторического движения населения в ЦЧ, что является очередной особенностью настоящей статьи. К тому же её выводы имеют неоспоримую научную новизну.

Итак, начнём с Бобровского уезда. Нужно отметить, что эта округа не являлся традиционным однодворческим местом обитания, т.к. в 1795 г. представители этого сословия там составляли 24,8 % от всего

¹ Карту составил Кудланов Д.Б., студент 2 курса Естественно-Географического факультета Курского государственного университета. Выражаем ему глубокую благодарность!

населения в уезде [38, с. 27–28]. Сначала Бобров был селом дворцовой волости, в 1711 г. его сделали городом, затем снова обратили в село, а в 1779 г. повторно сделали городом [34, с. 283]. Однако, всё же передовым колонизирующим элементом там традиционно были военно-служилые люди (дети боярские, казаки, стрельцы, пушкарки, затинщики, воротники, копейщики, рейтары и др.), которые на постоянной основе начали заселять Бобровский у. в конце XVII века [39, с. 408]. По мнению, специалиста в области подвижности однодворцев, М.А. Германова – эти потомки служилых людей в Бобровский у. в основном расселялись как из западных уездов Воронежской же губ. (Воронежского, Землянского и Коротоякского), так и из уездов соседних губерний ЦЧ (Елецкого, Козловского и Усманского) [7, с. 310]. Начиная с 1686 по 1730 гг. по притокам рек Икорца и Битюга они основали до 15 селений. Особенность бобровских однодворцев состояла в ограниченности их ареала расселения по уезду. Те, кто приходил в эту местность после 1730 г. не основывали новых сёл, а подселялись в прежние [7, с. 309], по причине общинного владения землёй последних [7, с. 310]. Это обстоятельство свидетельствует о том, что данные сельские очаги тогда не были ещё достаточно заполнены, по причине незначительного переселенческого потока в них. На наш взгляд, это было вызвано тем, что к тому времени в традиционных местах обитания воронежских однодворцев имелось ещё много неосвоенных земельных пространств. Если же там и появлялись излишки, то их подвергали службе и натуральным повинностям на Украинской линии, а иногда и совсем выселениям туда [29, с. 21]. Другая же часть активного однодворческого населения, в противовес этим повинностям, самовольно бежала подальше от своих мест обитания [3, с. 327].

Таким образом, до сер. XVIII в. бобровские однодворцы не расселялись по имеющемуся свободному земельному фонду уезда по внутренним причинам. Когда же сельские очаги расселения начали созреть и высылать мало-помалу однодворцев по близлежащим деревням и хуторам [7, с. 309], тогда их движению начала препятствовать внешняя причина активной помещичьей колонизации. С середины XVIII в. многие земли Бобровского у. по

течению рек Дона, Осередь, Казинки, принадлежавшие однодворцам, начали захватывать крупные помещики Трубецкой, Воронцов, Сафонов и другие [38, с. 18–21]. Возможности для расселения однодворческого населения были совершенно пресечены около 1764 – 1770 гг., когда не только вся земля, остававшаяся ещё пустопорожнею, но и многие удельные села, вместе с их землями, были записаны за помещиками Орловым-Чесменским, Безбородко и другими [7, с. 310].

Несмотря на малую численность бобровских однодворцев, в их среде мы встречаем не только все разновидности расселений, но и заселения и выселения. Так, на примере подвижности селений Гнилуши, Матренки и Ертиля, мы наблюдаем сразу три подвида расселений. Эти села возникли ранее прочих не позднее начала XVIII века. Известно, что Ертиль и Матренка были основаны выходцами преимущественно из Орловской губ. Елецкого у.; Тамбовской губ. Лебедянского у. и из сёл Усманского у.: Демшина, Поддубравок, Сторожевого, а также из своей же Воронежской губ. Воронежского у. и из сёл Задонского у.: Старого-Дубового, Вербилова и других [7, с. 313]. В свою очередь, избыток однодворческого населения из с. Ертиля уже около 1740 г. начал выходить в новообразованную д. Ечейку расположенную в 7 км от него [7, с. 313].

Не менее разнообразным было движение однодворцев в с. Верхние-Острожки (Козловка). Оно было образовано в нач. XVIII века. До 1783 г. это село в территориально-административном делении принадлежало к г. Козлову и было населено однодворцами, вышедшими из уезда одноимённому городу, преимущественно из с. Чурукина [7, с. 314]. Наличие выселения и заселения однодворцев этого села подтверждаются следующим случаем. Так, в 1788 г. из Молдавии вернулся в то селение С. Козлов, которого вновь причислили туда в подушный однодворческий оклад [11, л. 195]. Помимо всего, это село являлось очагом расселения по уезду. После 1810 г. часть однодворцев Козловки основали, недалеко от своего прежнего места жительства, д. Озерки. Кстати, последняя деревня после 1849 г. стала селом [7, с. 315].

Частные случаи подвижности однодворцев были зафиксированы нами в следу-

ющих селениях. Так, однодворцы с. Мечетка вышли из Приваловки и Икорцев Землянского уезда [7, с. 315–316]. В с. Коршево, после 1-й ревизии к дворцовым крестьянам подселили потомков служилых людей из Орловского уезда [33, с. 45]. Подобным образом однодворцев подсаляли к дворцовым крестьянам и в селах Старая Тойда и Старая Чигла [37, с. 11]. В последнее село впоследствии неоднократно записывали новоприбывших из дальних местностей. Так, в 1745 г. это был вышедший из Молдавии беглый солдат Архангельского полка И. Попов [27, л. 347], а в 1784 г. переселившиеся из Польши старообрядцы М. Морозов и Г. Головкин [12, с. 254].

Подводя итог, по географии притока в Бобровский уезд, отметим, что он располагался по течению рек Дона, Битюге, Осередь, Икорце и Казинки. Эта территория не являлась традиционным местом обитания однодворцев, т.к. там мы обнаружили около 24 селений, где они проживали. По причине того, что Бобровский у. располагался южнее Белгородской черты, системное освоение этой местности началось в кон. XVII и продолжалось весь XVIII век. Из-за этого в переселенческом процессе Бобровского у. доминируют все виды расселений, а к известным нам заселениям можем только отнести одного беглого солдата, возвратившегося из Молдавии. Между изучаемыми нами губерниями ЦЧ основной поток расселения двигался из Орловской губ. Елецкого и Орловского уездов, а также Тамбовской губ. Лебедянского у., из сёл Усманского у. (Демшина, Поддубравок, Сторожевого) и сел Козловского у. (преимущественно из с. Чурукина). Из Воронежской губ. расселение однодворцев протекало из Воронежского у., из сёл Задонского у. (Старого-Дубового, Вербилова и др.), а также из сел Землянского у. (Приваловки и Икорцев). Масштабы расселения внутри Бобровского у. не были значительными и распространялись лишь на деревни Ечейка и Озерки.

Теперь перейдём к изучению расселений в Павловском уезде. Заселение этой местности в значительной степени связано с развитием в Воронежском крае с конца XVII в. судостроения по рекам Битюг, Осеред и левобережью Дона [38, с. 20]. Сам же Павловск был основан только в 1709 году [34, с. 283]. Так же, как и Бобровский у.,

Павловский не являлся традиционным местом обитания однодворцев, т.к. располагался за Белгородской чертой. По свидетельству Т.М. Проторчиной в 1718 г. однодворцев на территории Павловского у. не наблюдалось [33, с. 45]. Все они там появились впоследствии и уже в 1795 г. потомков служилых людей, по сравнению с другими сословиями там насчитывалось 38,9 % [38, с. 27–28]. По замечаниям знатока однодворческих говоров Д.К. Зеленина, основной поток потомков служилых людей в Павловский у. пришёл из Рязанской и Орловской губерний [9, с. 112]. Историк-этнограф д.и.н. Л.Н. Чижикова уточняет, что места выхода в означенных регионах были Данков и Кромы, а также добавляет ещё Воронежский у. и некоторые местности Тамбовской губернии [38, с. 21]. Однако, нам удалось обнаружить дополнительные очаги расселения для Павловского уезда.

По свидетельству М.А. Германова с. Верхний Мамон было населено после 1720 г., в том числе однодворцами из Кром и Данкова [7, с. 319]. Однако, основной зафиксированный нами переселенческий поток из этой местности протекал во второй пол. XVIII века. Земляческий признак в заселении указанного села прослеживается неоднократно. Например, в июне 1782 г. однодворцы С. Кузмищев и М. Фалев из Данковской округи переселились в то же место, куда их земляки сошли почти 60 лет назад [20, л. 15]. С аналогичной ситуацией только из Орловского наместничества мы сталкиваемся в октябре 1782 г. с однодворцем И. Анпиловым [21, л. 392–393]. В с. Нижний Мамон в мае 1782 г. был зафиксирован потомок служилого человека В. Голова переселившийся из с. Истобного Раненбургской округи [15, л. 27]. Таким образом, этим селения свойственны идентичные места выходов, повторяющиеся на протяжении длительного времени.

Хотя с. Шестаково было основано ещё в нач. XVIII в. [7, с. 319], нам удалось обнаружить места выхода только её последующих подселенцев. Так, в мае 1782 г. однодворец И. Салков из с. Богородицкого Нижнедевицкой округи переселился в с. Шестаково Павловской округи [16, л. 21]. Туда же в мае 1782 г. переселился однодворец П. Попов из г. Гвазды Тамбовского нам. [17, л. 14], а в июне 1782 г. подселена ещё одна семья тамбовских однодвор-

цев [19, л. 110]. Кстати, в 1783 г. город Гвазды с его округой (села Клеповка и Пузево, а также д. Чернавка) за отдалённостью от Тамбова были переданы в Воронежскую губернию [36].

Аналогичное положение дел прослеживалось в с. Гороховка, населённой не позднее 1710 года [7, с. 318]. Известно, что туда в апреле 1782 г. были причислены однодворцы Рудаковы из с. Котова Старооскольской о. [13, л. 47–48], а уже в мае 1782 г. потомки служилых людей Сафроновы из д. Яшной Орловского наместничества [14, л. 113].

Относительно д. Осетровки возникшей в сер. XVIII в. [7, с. 319] известно, что она сформировывалась из разнообразных однодворческих групп. Одну соборную, пришедшую из Курского и Орловского наместничеств перевели в подушный однодворческий оклад той деревни в октябре 1782 г. [22, л. 193–193об.], вторую же – в октябре 1785 г., сформированную из выходцев разных сёл Курского наместничества [24, л. 14].

Село Гнилуша возникло во втор. пол. XVIII века [7, с. 320]. Известно, что туда причислили в декабре 1783 г. однодворца Ф. Филипкова вышедшего из Курского наместничества [10, л. 5]. К этому времени указанный выше сельский очаг настолько окреп, что смог высылать своих представителей в другие селения вниз по течению р. Гнилуши. Один такой случай был зафиксирован в августе 1792 г., когда однодворец И. Костин сошёл от туда в д. Журавку [26, л. 11].

Помимо этого, в архивных фондах нам удалось обнаружить ещё несколько частных случаев расселения в Павловский у. как из соседних уездов, так и из губерний. Первую разновидность расселений мы встретили в с. Ерышевке, когда туда в апреле 1783 г. были причислены П. Сарычев, Ф. Подосинников и другие однодворцы вышедшие из с. Радчины Воронежской округи [23, л. 13]. Помимо этого, встречалось нам и расселения четвертных крестьян из Курского наместничества. Так, в мае 1782 г. однодворец И. Толмачев из Курской округи переселился в с. Буйлово [18, л. 21]. А в 1785 г. к с. Пузеву были приписаны Я. Якушев с семьёй вышедший из дер. Горещуковой Рыльского у. из-за неимения земли [25, л. 537–538]. Кстати, последнее обстоятельство было самым рас-

пространённым объяснением среди потомков служилых людей ЦЧ, указывающих причину своего переселения.

Таким образом, основной поток подселений однодворцев в Павловский у. протекал во второй пол. XVIII века. Большая часть была нами зафиксирована между 1762 и 1782 гг., но нередки были пришедшие и между 1782 и 1795 годами. Всех этих подселенцев причислили в подушный однодворческий оклад тех мест, куда они водворились. Чёткое прикрепление к этим годам вызвано тем, что все поселившиеся в селениях лица записывались в однодворческое общество не сразу, а лишь в период ревизий. Переселялись же они на территорию уезда в разное время. Нужно ещё заметить, что не все желающие были приняты в сельские общества однодворцев.

Подводя итог по данному уезду, отметим следующее. На территории Павловского у. протекали реки Битюг, Осеред и левобережье Дона. Как и Бобровский у. эта территория размещалась южнее Белгородской черты, поэтому не являлась традиционным местом обитания однодворцев. Там мы встретили около 16 селений, где они проживали [7, с. 312–322]. География заселения Павловского у. имела малый радиус губерний ЦЧ. Если быть точнее, то она протекала из Рязанской губ. Данкова и его уезда, а также селений Ранербургского у. (с. Истобного и др.). Ширина географии расселения между губерниями ЦЧ была масштабна. Она вытекала из некоторых местностей Тамбовской и Орловской губ., в последней из Кромского у. и Малоархангельского у. (д. Ясной Поляны), а также разных селений Курской губ., в том числе из одноимённой губернии уезда, Старооскольского у. (с. Котова и др.) и Рыльского у. (дер. Горещуковой). Расселение внутри Воронежской губ. протекало из Нижнедевицкого у. (с. Богородицкого и др.) и Воронежского у. (с. Радчины и др.). Масштабы расселения внутри Павловского у. не были значительными и распространялись лишь на с. Шестаково и д. Журавки.

Особенность Павловского у. состояла в следующем. Во-первых, во время территориально-административных преобразований часть селений из Гваздинской округи Тамбовского нам., имевших свою особенную географию притока, были присоединены к Павловскому уезду. Во-вторых, в притоке на изучаемую территорию

имел влияние земляческий принцип. Следовательно, выходцы из старых переселенческих очагов в местах водворения поддерживали связь со своей метрополией. В-третьих, наличие выходцев из Курской губ. являлось особенностью Павловского у., что, кстати, не прослеживалось в соседнем Бобровском уезде.

Все виды переселений в изучаемых нами уездах имели свою очерёдность и ограничивались различными временно-пространственными факторами. Идентичная речная система и география расположения изучаемых нами уездов обуславливала одинаковое влияние на них процессов, препятствующих этому пространству в становлении, как традиционного места обитания однодворцев. К препятствующим факторам нужно отнести общинное владение землёй у потомков служилых людей исследуемой нами территории, частичная зрелость переселенческих очагов в ЦЧ, а также формирование мест обитания соседних сословий и этносов, в том числе первоначальный фактор опасности от крымских татар и ногаев. Перечислим всё озвученное более подробно.

Так, М.А. Германов заметил, что бобровские однодворцы по причине общинного владения землёй после 1730 г. в основном не основывали новых сёл, а подселялись в старые [7, с. 309]. Из этого можно заключить, что общинное владение землёй ограничивало расселения однодворцев по изученным нами уездам. И действительно, после Петровских реформ душевая форма владения землёй начинает вытеснять традиционную для однодворцев – четвертную. Последняя имела индивидуальный родовой характер, а первая – общинный [3, с. 172]. При душевом владении однодворцу, при окружавшем его многоземельи, не нужно было заботиться о том, где будут жить его потомки, т.к. это входило в компетенции общины. Четвертное же владение раньше душевого открывало перспективу малоземелья для потомков однодворца. Из-за этого среди них был распространён как официальный прииск, так и захваты свободных земель. Частые расселения однодворцев для земельного стяжания, какие мы видим в XVII в. на территории будущего Фатежского у. Курской губ. [3, с. 314–317] в Бобровском уезде не наблюдались. Как следствие, на осваиваемой местности прослеживались крупные душевые

селения и ограниченная распространённость однодворцев. Маленькие четвертные населённые пункты на территориях, расположенных южнее Белгородской черты, были уже не актуальны. Время упразднило политику заказных городов [6, с. 171], распространяло масштабы земельных пожалований вельможам и обычным дворянам [2, с. 75]. В условиях внутренней конкуренции четвертники-одиночки были более уязвимы к захватам земли от помещиков, нежели душевые владельцы. К тому же крупная община проще осваивала новую территорию. Следовательно, душевое владение землёй значительно сужало ареал расселения по осваиваемой местности, но улучшало его качество. Четвертное же владение расширяло ареал расселения, представляло перспективу для заполнения пустых четвертных земель с помощью последующего высокого естественного прироста, но было малоэффективным без правовой поддержки государства.

Значительное место в освоении этого пространства занимали расселения из изучаемых нами губерний ЦЧ. Таким образом, в некоторых местностях, осваиваемых с кон. XVI в. и даже ранее, созрела очередная партия переселенцев, от их высокого естественного прироста и следовавшего за ним малоземелья. Следовательно, главной категорией переселенцев в процессе расселения являлись малоземельные или недовольные однодворцы, распространявшиеся по близлежащей местности в поисках лучшей доли для себя и своих потомков. Из этого нужно заключить, что период добровольной активной фазы расселений связан с временем созревания переселенческих очагов в освоенных ранее местностях.

Однако судя по малым объемам расселений в уезды, расположенные южнее Белгородской черты, можно заключить, что данный процесс созревания переселенческих очагов не был тогда ещё повсеместным в ЦЧ. И действительно до сер. XVIII в. однодворцы мало расселялись по свободному имеющемуся земельному фонду Бобровского и Павловского уездов по причинам незначительного количества притока новых переселенцев. Видимо, к тому времени запасы свободной земли в традиционных местах обитания однодворцев были ещё достаточными. К тому же конкурентом различного вида расселений в ЦЧ являлись массовые выселения однодворцев

на Украинскую линию [29, с. 25] как временно для службы и натуральных повинностей, так и на постоянной основе. Другая же часть активного однодворческого населения, в противовес этим повинностям, самовольно бежала подальше от своих мест обитания [3, с. 309]. Когда же уровень расселения стал повышаться благодаря созреванию переселенческих очагов, тогда их движению начали сильнее препятствовать внешние причины соприкосновения с активной колонизацией других сословий и этносов.

Подводя итог статьи, отметим, что ареал расселения однодворцев на территории ЦЧ всегда был ограничен. Сначала влиял фактор безопасности, не позволявший выселяться однодворцам за Белгородскую черту до периода замирения края. От этого селения в данной местности начали основываться только в нач. XVIII в. и нередко были случаи основания во второй пол. XVIII века. После замирения края, первенствующее значение в ограничении ареала расселения однодворцев начинают занимать межсословные взаимоотношения.

Однако, истоки этих внутренних процессов зарождались ранее. На севере ЦЧ уже с нач. XVII в. и далее однодворцев выталкивали крупные феодалы, в том числе с помощью русских помещичьих крестьян. На юге ЦЧ уже с сер. XVII в. они стали

тесниться малороссиянами, которые впоследствии были расселены практически по всему периметру юга ЦЧ. Последним отступать тоже было некуда, т.к. ещё южнее их ограничивали Донские казаки, а с севера – те же однодворцы. Пик вкрапления в прежние места обитания потомков служилых людей в ЦЧ со стороны дворян посредством их помещичьих крестьян и малороссиян наблюдался во время всего правления Екатерины II, после чего этот процесс пошёл на спад. Окончательно же ареалы обитания всех сословий ЦЧ сформировались лишь к сер. XIX века.

Таким образом, для освоения уездов, расположенных южнее Белгородской черты, у однодворцев имелось временное окно всего в пол века. И то данному процессу препятствовал ряд перечисленных выше причин. Дальнейшая же активная фаза помещичьей колонизации с сер. XVIII в. окончательно предопределила социальный облик изучаемой нами местности не в пользу потомков служилых людей. Таким образом, по всем упомянутым причинам уезды, расположенные южнее Белгородской черты, нельзя назвать традиционным местом обитания однодворцев. Последние же формировались благодаря более длительному периоду благоприятных условий для освоения пространства служилыми людьми и их потомками.

Список литературы

1. Багалея Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI – XVII ст. Т. 2. Вып. I. Харьков: Тип-я К.П. Счасни, 1890. 458 с.
2. Белявский М. Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). Москва: Изд-во Московского университета, 1984. 268 с.
3. Благовещенский Н.А. Четвертное право. Москва: Тип-я Тов. Кушнерев и Ко, 1899. 538 с.
4. Василенко Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII–начале XVIII вв.: На материалах Центрального Черноземья: дис...канд. ист. наук. Воронеж, ВГУ. 2003. 191 с.
5. Василенко О.В. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в XVII–XVIII вв.: на примере его Центральной части: дис...канд. ист. наук. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 216 с.
6. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Учебное пособие к спецкурсу для студентов исторических факультетов педагогических институтов. Воронеж: Липецк облтипография, 1974. 237 с.
7. Германов М.А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки императорского русского географического общества. кн. XII. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1857. С. 183–327.
8. Загоровский В.П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI – начало XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 3–23.

9. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных с связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. Санкт-Петербург: Тип-я А.В. Орлова, 1913. 544 с.
10. Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. И245. Оп. 1. Д. 34.
11. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 55.
12. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 62.
13. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 610.
14. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 615.
15. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 616.
16. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 617.
17. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 618.
18. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 619.
19. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 623.
20. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 624.
21. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 633.
22. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 634.
23. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 640.
24. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 664.
25. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 728.
26. ГАВО. Ф. И263. Оп. 1. Д. 800.
27. ГАВО. Ф. И290. Оп. 2. Д. 18.
28. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма / Загоровский В.П. и др. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 142 с.
29. Кудланов К.Б. Влияние комплектования и пополнения Украинской ландмилиции на демографическое положение однодворцев Курского края с 1713 по 1770 гг. // История, теория, практика Российского права: сборник научных работ, приуроченный к празднованию 15-летия юридического факультета КГУ. Курск, 2019. Вып. 12. С. 15–30.
30. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. Москва: Тип-я Д.И. Иноземцева, 1894. 310 с.
31. Панова В.И. Воронежское Прибитюжье в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII – XVIII вв.). Воронеж: Изд-во ВГУ. 1981. С. 68–76.
32. Панова В.И. История заселения русских земель донского левобережья в XVI – XVIII веках: дис...канд. ист. наук. Воронеж, ВГУ, 1981. 177 с.
33. Проторчина П.М. Расселение воронежских однодворцев в XVIII веке (по материалам ревизских сказок) // Труды Воронежского государственного университета. Том 51. Сборник работ историко-филологического факультета. Воронеж, 1958. Вып. 1 (исторический). С. 35–49.
34. Попова Н.А. Очер землевладения и межевания в Воронежской губернии // Воронежский сборник в память 300 летия г. Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 1. С. 281–330.
35. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). Москва: Госполитиздат, 1957. 495 с.
36. Село Гвазда, Гвазденское сельское поселение Бутурлиновского района Воронежской области. [Электронный ресурс]. URL: Heraldicum.ru
37. Титова О.Ю. Локальные группы русского населения южнорусской этнографической зоны (к проблеме формирования) // Берегиня 777 Сова. Воронеж, 2013. № 1 (16). С. 6–14.
38. Чижикова Л.Н. Русско-украинское приграничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX – XX века). Москва: Наука, 1988. 250 с.
39. Щербина Ф.А. Четвертное землевладение в Воронежской губернии // Воронежский сборник в память трёхсотлетия г. Воронежа. 1886, Воронеж. Т. 1. С. 465–481.

SETTLEMENT OF THE ONE-COURTYARD PEOPLE IN COUNTIES, WHICH LOCATED TO THE SOUTH FROM THE BELGOROD LINE

Based on various archival and narrative sources, the authors analytically compare the features of the development of counties, which located at the south from the Belgorod line. The researchers chose the Pavlovsky and Bobrovsky counties of the Voronezh province, on which territory, they systematized all kinds of migrations during the XVIII-th

century. In the course of a comparative analysis, the authors found differences in the development of the studied area. For example, the influence of the compatriot principle in resettlements in the territory of the Pavlovsky county. In general, there were more common features between the aforementioned counties. The authors found that the identical river system and the geography of the location of the studied counties caused the same influence of the processes that prevented this territory from becoming the traditional habitats of smallholders. Between the disappearance of the danger from the nomads and the active colonization of landowners, the descendants of the military service people had only half of the century time window for the development of counties, which located to the south from the Belgorod line. This process was also hindered by the termination of government patronage in the development of the Central Chernozem region and the strong exploitation of the one-courtyard people on the Ukrainian line, which caused their mass exodus. All this happened against the background of communal land ownership by the smallholders in the under study area, which significantly narrowed their area of settlement, while improving its quality. In addition, it was revealed that the period of the voluntary active phase of resettlement is associated with the period of maturation of resettlement centers in previously developed areas. In the studied time period the authors, the maturity of these foci has not been yet observed everywhere. Further active phase of landlord colonization from the middle of the XVIII-th century finally predetermined the social appearance at the studied territory not in favor of the descendants of the military service people. As a result, the authors conclude that the traditional habitats of one-courtyard people were formed due to a long period of favorable conditions for the development of area by the military service people and their descendants.

Keywords: military service people, one-courtyard people, smallholders, settlers, county, Central Chernozem region.

References

1. Bagaley, D.I. (1890). *Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy guberniy v XVI – XVII st* [Materials for the history of colonization and life of Kharkov and partly of Kursk and Voronezh provinces in the XVI-th – XVII-th centuries]. Vol. Issue. I. Khar'kov: Tip-ya K.P. Schasni.
2. Belyavskij, M.T. (1984). *Odnodvorcy Chernozem'ya (po ix nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767 – 1768 gg.)* [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767 – 1768)]. Moskva: Moscow University Press.
3. Blagoveshhenskij, N.A. (1899). *Chetvertnoe parvo* [Quarter right]. Moskva: Tov. Kushnerev i Ko Print.
4. Vasilenko, D.V. (2003). *Dvizheniye naseleniya yuzhnoy okrainy Rossii vo vtoroy polovine XVII–nachale XVIII vv.: Na materialakh Tsentral'nogo Chernozem'ya* [The movement of the population of the southern outskirts of Russia in the second half of the XVII-th – early XVIII-th centuries: Based on the materials of the Central Chernozem region]: dis...kand. ist. nauk. Voronezh, GU «Voronezh TSNTI», 191 p.
5. Vasilenko, O.V. (2010). *Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya Voronezhskogo kraja v XVII-XVIII vv.: na primere yego Tsentral'noy chasti* [The history of settlement and economic development of the Voronezh region in the XVII-th – XVIII-th centuries: on the example of its Central part]: dis...kand. ist. nauk. Tambov, TGU im. G.R. Derzhavina. 216 p.
6. Vazhinskij, V.M. (1974). *Zemlevladieniye i skladyvaniye obshhiny' odnodvorcev v XVII veke (Po materialam yuzhny'x uezdov Rossii)* [Land ownership and the formation of smallholders community in the XVII-th century (According to the materials of the southern counties of Russia)]. *Uchebnoe posobie k speczkursu dlya studentov istoricheskix fakul'tetov pedagogicheskix institutov. Voronezh: Lipeck region Publ.*
7. Germanov, M.A. (1857). *Postepennoye rasprostraneniye odnodvorcheskogo naseleniya v Voronezhskoj gubernii* [Gradual spread of the one-courtyard population in the Voronezh province]. *Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]*. XII, 183–327.
8. Zagorovskiy V.P. (1987). *Obshchiy ocherk istorii zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya yuzhnykh okrain Rossii v epokhu zrelogo feodalizma (XVI – nachalo XVIII veka)* [General outline of the history of settlement and economic development of the southern outskirts of Russia in the era of mature feudalism (XVI – early XVIII century)]. *Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoyeniya Voronezhskogo kraja v epokhu feodalizma [History of settlement and economic development of the Voronezh region in the era of feudalism]*. Voronezh, 3–23.
9. Zelenin, D.K. (1913). *Velikorusskie govory' s neorganicheskim i neperexodny'm smyagcheniem zadnenezny'x soglasny'x s svyazi s techeniyami pozdneyshej velikorusskoj kolonizatsii* [Great Russian dialects with inorganic and intransitive mitigation of back-palatal consonants in connection with the currents of the later russian colonization]. Sankt-Peterburg: Print. A.V. Orlova.
10. State Archive of the Voronezh Region (hereinafter GAVO). F. I245. Op. 1. D. 34.
11. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 55.
12. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 62.

13. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 610.
14. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 615.
15. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 616.
16. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 617.
17. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 618.
18. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 619.
19. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 623.
20. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 624.
21. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 633.
22. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 634.
23. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 640.
24. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 664.
25. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 728.
26. GAVO. F. I263. Op. 1. D. 800.
27. GAVO. F. I290. Op. 2. D. 18.

28. Istoriya zaseleniya i khozyaystvennogo osvoeniya Voronezhskogo kraja v epokhu feodalizma [The history of settlement and economic development of the Voronezh region in the era of feudalism]. (1987). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.

29. Kudlanov, K.B. (2019). Vliyanie komplektovaniya i popolneniya Ukrainskoj landmilicii na demograficheskoe polozhenie odnodvorcev Kurskogo kraja s 1713 po 1770 gg. [The influence of recruitment and replenishment of the Ukrainian Land Militiion on the demographic situation of the smallholders in the Kursk region from 1713 to 1770] // *Istoriya, teoriya, praktika Rossijskogo prava: sbornik nauchny'x rabot, priurochennyj k prazdnovaniyu 15-letiya yuridicheskogo fakul'teta KGU [History, theory, practice of Russian law: a collection of scientific papers dedicated to the celebration of the 15-th anniversary of the Faculty of Law of KSU]*. 12, 15–30.

30. Miklashevskiy, I.N. (1894). K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. CH. 1. Zaseleniye i sel'skoye khozyaystvo yuzhnoy okrainy XVII veka [To the history of the economic life of the Moscow state. Part 1. Settlement and agriculture in the southern outskirts of the XVII century]. Moskva, Tip-ya D.I. Inozemtseva.

31. Panova, V.I. (1981). Voronezhskoye Pribityuzh'ye v XVII veke [Voronezh Pribityuzhye in the XVII-th century]. *Voronezhskiy kray na yuzhnykh rubezhakh Rossii (XVII – XVIII vv.) [Voronezh region on the southern borders of Russia (XVII – XVIII centuries)]*, 68–76.

32. Panova, V.I. (1981). Istoriya zaseleniya russkikh zemel' donsogo levoberezh'ya v XVI – XVIII vekakh [The history of the settlement of the Russian lands of the Don left bank in the XVI-th – XVIII-th centuries]: dis...kand. ist. nauk. Voronezh, VGU. 177 p.

33. Protorchina, P.M. (1958). Rasselenie voronezhskix odnodvorcev V XVIII veke (po materialam revizskix skazok) [Resettlement of Voronezh single-palace residents in the 18th century (based on revision tales)] // *Trudy' Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Voronezh State University]*. 51 (1), 35–49.

34. Popova, N.A. (1886). Ocher zemlevladieniya i mezhevaniya v Voronezhskoj gubernii [Essay on land ownership and land surveying in the Voronezh province] // *Voronezhskij sbornik v pamyat' 300 letiya g. Voronezha [Voronezh collection in memory of the 300-th anniversary of the city of Voronezh]*, 1, 281–330.

35. Rubinshtejn, H.L. (1957). Sel'skoe xozyajstvo Rossii vo vtoroj polovine XVIII v. (Istoriko–e'konomicheskij ocherk) [Agriculture in Russia in the second half of the XVIII-th century. (Historical and economic essay)]. Moskva: Gospolitizdat.

36. Selo Gvazda, Gvazdenskoe sel'skoe poselenie Buturlinovskogo rajona Voronezhskoj oblasti [Gvazda village, Gvazdenskoye rural settlement of Buturlinovsky district, Voronezh region]. Retrieved 15 June, 2022 from [http:// Heraldicum.ru](http://Heraldicum.ru)

37. Titova, O.Yu. (2013). Lokal'ny'e gruppy' russkogo naseleniya yuzhnorusskoj e'tnograficheskoy zony' (k probleme formirovaniya) [Local groups of the Russian population of the South Russian ethnographic zone (on the problem of formation)]. *Bereginya 777 Sova [Bereginya 777 Owl]*, 1 (16), 6–14.

38. Chizhikova, L.N. (1988). Russko-ukrainskoe prigranich'e. Istoriya i sud'by' tradicionno-by'tovoj kul'tury' (XIX – XX veka) [Russian-Ukrainian borderland. History and fate of traditional everyday culture (XIX – XX centuries)]. Moskva: Nauka Publ.

39. Shherbina, F.A. (1886). Chetvertnoe zemlevladienie v Voronezhskoj gubernii [Quarter land ownership in the Voronezh province]. *Voronezhskij sbornik v pamyat' trexstotletiya g. Voronezha* [Voronezh collection in memory of the tercentenary of the city of Voronezh]. 1, 465–481.

Об авторах

Чекед Роман Станиславович – кандидат исторических наук, заместитель директора Курского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия), E-mail: RSCheked@fa.ru

Кудланов Константин Борисович – кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения РОИА (Россия), E-mail: kudlanov777@mail.ru

Cheked Roman Stanislavovich – PhD (History), deputy director of Kursk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia), E-mail: RSCheked@fa.ru

Kudlanov Konstantin Borisovich – PhD (History), chairman of the youth section of the Kursk branch of the Russian Society of the Historians and of the Archivists (Russia), E-mail: kudlanov777@mail.ru